

ПАМЯТЬ

Два крыла аиста

Скорый поезд тщетно пытается поспеть за багровым солнечным диском, все глубже проседающим в темное основное острозубье. Под дробный колесный перестук за вагонным окном укладывается спать изнуренная дневным зноем Смоленщина. Позади остался Гагарин, сладко зевнула уже совсем сонная Вязьма. Контурсы придорожных построек становятся все расплывчатее, лесные шеренги деревьев сливаются в стремительно темнеющую глухую стену, и вот уже набравший лимонную силу лунный серп одиноко торжествует в пустынном черном небе среди вспыхивающих звезд.

Вот-вот начнется Белая Русь. Но как ни пьялся в темный океан – ничего не выглядишь: под колесных та-та-татах проносится нескончаемая лесная стена, и лишь изредка в разрывах деревьев задрожит огоньками дальняя деревушка.

Вагон уже крепко и безмятежно спит, потому что знают люди – среди ночи их не разбудит стук тамбурных дверей и шаги пограничников в коридоре. Потому что нет ее, границы. Нет таможи, нет пограничных столбов. А определить ее можно только по имени величественной славянской птицы, которая вот в этой деревушке зовется аист, а вон в той, за лутом, – уже бусел...

Промашнет поезд этот лужок – и не заметишь.

Я еду на настоящую границу Руси, хранимую Русью Белой, на самые ее западные пределы – в город Брест. Тула, где над задумчивым Бутом стоит наша единая великая святыня – Крепость. Она, как Спас на крови, вобрала в себя судьбы обеих отцов, дедов, прадедов, и поэтому именно отсюда начинается не только Русь Белая, но и Великая, и Малая...

А в Бресте? В Бресте – все на месте

Говорят, что для каждой страны, а порой и города, особо примечателен какой-нибудь сезон, время года. Брест – город совершенно особенный. У него есть свое, особенное время суток. Это – рассвет, потому что именно на рассвете Брест шагнул в бессмертие через ворота своей Крепости. Чтобы почувствовать Брест, нужно оказаться в нем на рассвете. Тогда заработает то, что называется генетической памятью...

Рассветная свежесть необыкновенно идет Бресту сегодняшнему. Она как-то совершенно по-особому гармонирует с хирургической чистотой города. Это первое, что ощущаешь, когда в пять с минутами утра выходишь из московского поезда на перрон Брестского вокзала. Вокзальные стены и соседние дома словно кто-то вымыл с шампунем. Городская архитектура, в том числе многочисленные новостройки, очень разнообразна и оригинальна. Преобладающие цвета – теплые пастельные тона. Все это в сочетании делает город уютным и привлекательным.

Конечно, и сердце Бреста, и его душа – легендарная Крепость. Кажется даже неудобным пересказывать подвиг твердыни над Бутом, но, учитывая пятинадцатилетний период корчевания душ и корежения истории, все же коротко напомним, что произошло здесь шестьдесят шесть лет назад. Главным образом для молодых.

Крепость, возведенная еще в первой половине позапрошлого века, располагалась на четырех островах при слиянии рек Буг и Мухавец. Некогда грозное укрепление, к началу Великой Отечественной войны она безнадежно устарела как фортификационное сооружение. Здесь находилась пограничная застава, казармы частей Красной армии, госпиталь, склады, школа шоферов погранвойск. Всего в Крепости было три с половиной тысячи человек, включая медперсонал госпиталя и семьи комсостава.

На рассвете 22 июня на нее обрушился шквал артиллерийского огня. С немецкой педантичностью каждые четыре минуты отгнетой вал, не оставляя, казалось, ничего живого, продвигался на сто метров вперед. Крепость штурмовала 45-я пехотная дивизия, сформированная из земляков Гитлера. На овладение Крепостью план «Барбаросса» отводил восемь часов. Она держалась больше месяца. Но и позже враг не знал тут покоя: уже осенью сорок первого советские радисты где-то под Новгородом перехватили радиোগрамму: «... всем, кто слышит меня! Я – Брестская крепость, живу и сражаюсь!..»

Брестская крепость сражается и сегодня. Сражается за души, и прежде всего души юных.

Вход в Крепость – наверное, известная всей стране вырезанная в граните огромная звезда. Здесь не-

видимый метроном глухо отсчитывает последние секунды мирного времени и звучит незабываемый голос Левитана: «Граждане и граждане Советского Союза!..»

Здесь все дышит Подвигом, который постигаешь через молчаливый разговор с самим собой.

Под мостиком, ведущим на Центральный остров, крутит тихие водовороты неспешный Мухавец. А с крутого берега, из последних сил приподнявшись на локте, смотрит на реку каменный боец. Композиция названа одним коротким словом – «Жажд».

Вода в осажденной Крепости была на вес золота. Нет, какое там золото! На вес человеческой крови. Почти все, отжившиеся на бросок от стен Крепости за водой, погибали от шквального вражеского огня на берегу Мухавца. Те же немногие, кто добывали драгоценную влагу, отдавали ее в первую очередь раненым и лили в кожуи раскаленных пулеметов. Милосердие и порыв любой ценой продолжать борьбу – воина, исполненного таким духом, победить нельзя. Их и не победили...

Мрачные, исклеванные пулями и осколками казематные стены. И последние крики, выщарпанные штыком на обожженных кирпичках. «Умрем, но из Крепости не уйдем!» «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина!..» А вот совсем былинное: «Умираем, не срамясь...»

Им было по восемнадцать, двадцать, двадцать два. Вся жизнь впереди – молодость, весна, кипень си-

рени. «Умирали пацаны страшно. Умирали пацаны просто. И не каждый был внешне прекрасным. И не каждый был высокого роста...» Предательски дрогнув, гаснет над речкой гитарная струна...

Как же все-таки здорово, что для сегодняшних юных брестчан Крепость – по-прежнему святое место! Брестские мальчишки и девчонки по-прежнему несут Вахту памяти в почетном карауле №1, возле Вечного огня в Крепости. Круглогодично, в дождь и выюгу, в холод и зной. Практически все школьники Бреста проходят через этот скорбный караул – это по-прежнему ответственно и почетно, и скрыто где-то глубоко в душе, без бумажной формальности и заорганизованности. Здесь, на Брестчине, пропаитанной кровью многих поколений славянских пределов, слова «Помири войну!» – не пустой звук.

– Сегодня в области работает 125 историко-краеведческих музеев, 42 музея боевой славы, 41 этнографический музей, – рассказывает заместитель председателя Брестского облисполкома Леонид Цуприк. – Есть у нас и историко-этнографический музей «Спадчына», и музей «Белорусская хатка». Проводятся конкурсы детских рисунков «Беларусь моя, синеокая», сочинений «Мой родны кут», «История моей семьи». На обучающих занятиях с детьми изучается родословная семьи и создается генеалогическое древо «Адукуль мой род».

Не забыта здесь и когда-то всеосионо знаменитая военно-спортивная игра «Зарница», а летом в области действует 48 военно-патриотических лагерей. Живы и традиции тимуровского движения. Названия тимуровских акций – «Ветеран живет рядом», «Дом без одиночества», «Рука помощи», «Долг» – говорят сами за себя.

– За нашу брестскую молодежь сегодня не стыдно, – продолжает Леонид Александрович, – ежегодно крепость провожает в войска 4000 юношей, причем не абы кого. Право служить в белорусской армии еще надо заслужить. Например, у нас не призывают не только ранее судимых, но даже имеющих приво-ды в милицию...

Как тут не вспомнить культовый фильм «Максим Перелупца», где незадачливый герой Леонида Быкова умоляет земляков поверить ему и «отпустить в армию!» А слу-жить тутошние хлопцы, конечно, хотя в элитных войсках – десантных и пограничных. Что ж, отпра-вляясь на границу, тем более что она совсем рядом, за последней городс-кой улицей.

Скорбим и помним

8 января скоропостижно скончался военный обозреватель газеты «Союзное вече» Александр Чудаков.

Он родился 5 февраля 1963 года в Москве, учился на факультете международной журналистики МГИМО МИД СССР, владел английским, сербско-хорватским, украинским языками. Блестящий очеркист, Александр в качестве военного корреспондента работал в Польше, Финляндии, Швеции, Венгрии, Сербии, с «лейкой и блокнотом, а то и с пулеметом» участвовал в боевых действиях в горячих точках – Югославии, Афганистане, Чечне. Никто не мог показать правду жизни, как Александр Чудаков. Его героями становились обыкновенные, казалось люди, на которых порой и вниманье-то не обратишь, но именно

на их плечах и держится наше государство. За деревенским платочком, кепочкой, сдвинутой на бок, он видел Душу человека, его скорбь и боль за Родину, вместе с которой шагал тяжелыми фронтовыми дорогами, восстанавливал разрушенное хозяйство, пытался выжить в годы перестройки и умудрился не утратить доброту, готовность прийти на помощь тем, кто находится в беде.

Таким был и он сам, наш коллега Саша Чудаков. За героизм и мужество, проявленные на полях сражений, умение найти верное решение в сложных боевых условиях, когда вопрос жизни или смерти решают мгновения, Александр был удостоен высоких правительственных наград, в числе которых – орден Мужества и орден Красной Звезды.

Он верил в то, что братские славянские народы, победившие фашистскую чуму 65 лет назад, и в XXI веке будут вместе.

Коллеги Александра Павловича выражают глубокое соболезнование родным и близким и скорбят вместе с ними.

Вот так она хранится, союзная граница

Автобус с зелеными номерами погранвойск катится прямо вдоль линии государственной границы. Иногда распахнутая контрольно-следовая полоса подступает к самой обочине дороги. «Вот те тополя, в ста метрах, на холме, – уже польские», – поясняет сопровождающий офицер.

86-я Краснознаменная пограничная группа им. Ф.Э. Дзержинского находится прямо на окраине Бреста. Знакомство с частью начинается с памятника Дзержинскому, точной, уменьшенной копией бывшего знаменитого московского. «Этот памятник появился уже после развала Советского Союза, – рассказывают белорусские офицеры, – раньше здесь стоял просто бюст Дзержинского, но после известных москвских событий было принято решение передать его на одну из застав, а взамен заказать тот, что вы видите перед собой». В интонациях пограничников едва слышатся горечь и обида. Тогда, в августе девяно-стого первого года, когда толпа на Лубянской площади крушила в демшизоидном утаре памятник работы Томского, из знаменитого здания не вышел никто, чтобы защитить «железного Феликса»...

В Брестской погрангруппе историю помнят и бережно хранят. Она аккуратно разложена здесь по годам, эпизод к эпизоду, событие к событию, с тех самых лет, когда западную границу молодой советской республики спокойной никак нельзя было назвать, когда здесь гремели настоящие сражения с налетавшими с сопредельной стороны савинковцами, а счет выловленным диверсантам и шпионам велся на сотни. В семидесятые годы в Брестской погрангруппе, тогда отряде, проходив срочную службу сержант Александр Лукашенко, нынешний президент республики.

Ближайшая к пограничной группе 11-я застава носит имя героя Советского Союза А.М. Кюжеватова, погибшего при обороне Брестской крепости.

Сразу за воротами заставы – в полной боевой готовности знаменитая «пишига» – ГАЗ-66 тревожной группы, до сих пор, наверное, самая любимая машина пограничников всего СНГ.

Буквально через забор – весьма проблемная и не всегда адекватная сегодняшняя Польша, нынешние

отношения с которой, мягко говоря, далеки от идеальных. Банды батальонного состава с пулеметами, как водилось в двадцатые, через границу, конечно, нынче не шастают, но и друзьями ошестившихся американской ПРО вчерашних союзников по Варшавскому договору тоже не назовешь. А отдельные граждане, лезущие через границу в неожиданных местах с невятными целями, – явление нередкое и сегодня. Основной же «темой» контррабанды остаются алкоголь и табак.

Рядовому пограничным войскам Роману – двадцать один год. Совсем недавно оттянувшись под Минск на срочной службе, вернулся в родной Брест. Посмотрел, огляделся и решил остаться на контрактную. Сейчас крутит в Брестской погрангруппе банку автобуса. Диковинная такая для нашего глаза машина, класса российского «аэпика», только производила Минского автозавода.

– Получаю пока порядка пяти-сот тысяч белорусских рублей в месяц – это чуть больше двухсот долларов. Вроде бы немного, но на жизнь хватает. К тому же для военных у нас много льгот предусмотрено – и по жилью, и по образованию. Да и перспективы роста есть, если дурака не валять.

– Живешь дома? – Конечно, я же сам из Бреста. Пока не женат, живу с мамой и отцом.

– Дома-то, поди, хорошо на маминых пирожках?

– Что-что, а нас и здесь кормят от пуза! – смеется Ромка.

Разговор наш, поскাকা-в темы на тему, уперся, как водится, в политику.

– У президента рейтинг реально высокий, что бы там ни говорили. Правда, раньше за Лукашенко все больше люди среднего возраста да кто постарше стояли. Молодежь, если честно, политика в основном вообще по барабану была. А сейчас и по образованию разные программы новые, и спорт, посмотрите, как рванул. В каждом областном центре, например, по новому ледовому дворцу. А в Бресте у нас сколько понастроили! Вот и молодые многие президента зауважали...

Разговор наш прервал зуммер тревожного сигнала, и мимо, в сторону учебного полигона, прормчался наряд со служебной собакой. По травяному полю кволял условный «нарушитель» в тяжеленном защитном костюме-балахоне. Бедняга об-

ливался потом в своих доспехах на ипольском солнцепеке, к тому же пушкai и учебно-безопасная, но встреча с пограничной собачкой – удовольствие ниже среднего. Но что поделаешь – на границе легкой службы не бывает...

Все земля приняла – и заботу, и ласку, и пламя...

Где-то на полпути от Бреста к Минску лежит маленький городок Ивацевичи. Здесь самое начало знаменитого Полесья. Я бы назвал Ивацевичи райцентром притяжения: жить в этом чистеньком городке не просто уютно, а даже как-то радостно. Чистые тротуары, обилие цветочных клумб и вазонов, разноцветные, в мягких полтонах двух-, трех-, четырехэтажные домики с разноцветными же крышами – все это создает впечатление игрушечной неестественности. Но здесь живут не куклы Барби, а добрые, приветливые люди с крепкими мозолистыми руками.

В Ивацевичах тоже помнят о войне. Да и как не помнить о ней здесь, в центре бывшего партизанского края!

Километрах в двадцати пяти от города лежит глухое урочище Хованщина – небольшой островок земли, окруженный со всех сторон топкими болотами.

Этот кусочек советской земли фашисты так и не смогли взять: непролазные топи исключили использование бронетехники, а пешие карательные экспедиции неизменно нарывались на кинжальный огонь партизанских засад. В Хованщине действовали подпольный Брестский обком КП(б)Б и обком комсомола, работали школа, госпиталь, даже выходила своя газета – «Заря», откуда партизаны уходили на боевые задания, сюда возвращались из тяжелых боев.

Сохранилась Хованщина и сегодня как мемориальный партизанский комплекс.

От лесной опушки в глубь чащи ведет не приметная тропа. Постепенно она все плотнее сжимается подступающими болотами и, наконец, переходит в зыбкий деревянный настил – гать. В войну же тропинка просто исчезала в болоте: часть пряталась под водой, и один неверный шаг чужака повергал его в губительную трясину. Кого не достала партизанская пуля – принима-

ло болото. И все, что оставалось взбешенным оккупантам, – лупить из минометов с почтительного расстояния наобум.

Так же внезапно гать-тропа вдруг вымывает на лесистый остров. Здесь все, как были десятки лет назад: партизанские блиндажи, землянки, школа, госпиталь.

– Вы бы видели ребят, которые приезжают сюда на экскурсии! – говорят сотрудники мемориала. – Они как-то взрослеют сразу, что ли... А дождь и холод только усиливают впечатления от увиденного. Как-то само собой приходит ощущение, что в этих условиях не только жили, но и побеждали в бою врага их деды, в ту пору зачастую их родные, а не победители сразу, и погибли в бою.

Сегодня Хованщина – еще один мощный нерв генетической памяти, пробуждающий внутренние, глубинные чувства, которые уже не позволяют «выбрать пепси»...

На околище, наверное, каждой белорусской деревушки высится крест-оберег. Люди верят, что крест не пустит в деревню болезни, мор, несчастье. Так же, как и не пустят нечисть аисты – их гнездо в деревне обычно на самом высоком дереве или столбе. Поверье гласит, что если человеческое жильё покинули аисты – жди беды.

В Вядо, Бобровицы, Зыбайлы, Красницу, Тупичицы аисты не вернутся никогда. Гитлеровцы сожгли эти ивацевичские деревни вместе со всеми жителями...

Не вернутся они и в Хатынь, что на Минщине. И еще в сто восемьдесят пять белорусских деревень.

Трагедия Хатыни случилась 22 марта 1943 года. Неподалеку от деревни каратели в бою с партизанами понесли тяжелые потери. Среди убитых оказался и офицер по фамилии Бельке, бывший чемпион мюнхенской Олимпиады и любимец самого Гитлера. Говорят, что именно это предопределило страшную судьбу деревни. Все жители Хатыни, 149 человек, в том числе 75 детей, были загнаны в сарай и сожжены заживо.

Сегодня в Хатыни страшный погост – кладбище белорусских деревень.

С каким-то доселе неизведанным чувством идешь по бесконечным рядам могил, где за оградками на гранитных обелисках высечены не имена усопших, а названия так никогда больше не поднявшихся из пепла деревень.

Агурки, Пушалаты, Гумничина...

Хрустит под ногами гранитная крошка.

Заболотье, Копани, Закрынчи...

На широкой площади перед Мемориалом останавливается очередный школьный автобус. Поначалу шумная ватага ребят становится все тише и, наконец, умолкает вовсе.

Слобода, Зуево, Рудково...

Все так. Здесь говорить не стоит.

Иди и смотри. Смотри и помни...

«Я убит под Сморгонью...»

Всякий раз, когда оказываешься на местах страшных, кровопролитных боев, на память приходит знаменитое: «Я убит подо Ржевом, в безыменном болоте, в пятой роте, на левом, при жестоком налете...» В России Ржев стал именем нарицательным кровопролитного сражения. В Беларуси это в полной мере можно отнести к маленькому городу Сморгонь, что на Гродненщине.

В Первую мировую линия фронта проходила через этот городок целых два года. Чтобы понять масштабы бедствий и разрушений, обруившихся на здешние места, приведу только один факт: в Сморгонь, насчитывавшей до войны 17 тысяч человек, в 1918 году осталось всего 124 жителя. В общем, городок уже и похоронили. «Мир праху твоему, маленькая Сморгонь!..» – писал в 1915 году популярный журнал «Нива». Надо ли говорить, сколько незахороненных останков и неучтенных захоронений осталось в этой земле, по которой потом прокатилась еще и вал Великой Отечественной?

В Белоруссии поисковая работа поставлена на государственную ос-

нову и находится в ведении Министерства обороны. В эти дни под Сморгонью, в маленькой деревушке Микулевщина, ведет поиск 52-й Отдельный специализированный поисковый батальон.

– По нашим данным, в районе Микулевщины находится примерно пять неучтенных воинских захоронений, – рассказывает комбат, – причем часть из них можно отнести к упорядоченным, то есть, говоря простым языком, когда были время и возможность похоронить павших по-человечески. Такие относятся в основном к пятнадцатому году. А дальше – погибших, видимо, просто наспех сваливали в общие могилы. Именно здесь, под Сморгонью, немцы впервые на Восточном фронте применили отравляющие газы. Только за один день было отравлено около двух тысяч русских солдат...

В длинных траншеях-раскопах возятся с лопатами бойцы батальона в марлевых повязках. Приходится предохраняться – израненная земля в любой момент может неожиданно «выстрелить» и холерой, и сибирской язвой. Можно нарваться и на то, что называют «хом войны» – за время своего существования батальон обезвредил 2707 взрываемых предметов. Но главная задача – поиск именно воинских захоронений и установление максимально возможного числа имен. В этом поисковикам помогают и архивные материалы. Оказывается, в Первую мировую войну учет безвозвратных потерь в русской армии считался едва ли не самым организованным в Европе.

Без труда, например, установили номера и названия частей, занимавших оборону непосредственно в здешних местах. 190-й Очаковский, 191-й Кагульский, 193-й Рымникский пехотные полки.

Стоп! Неизвестное чувство, как удар какой-то внутренней молнии...

530-й Васильсурский пехотный полк!

Васильсурск – маленький городок в «междвежьем углу» Нижегородской губернии. Оттуда происходит коренной род моего отца. В крохотных городках издревле все между собой сватыя, кумовья да братья. А значит – под крестами у соседней деревушки Белой, среди солдат-васильсурцев почти наверняка лежат мои родичи?! За полторы тысячи километров от дома! Уму непостижимо!..

Под сколоченным дощатым на-весом – выставка находок последних дней. Каски наши, каски немецкие, георгиевская медаль, портсигар, леттеревские диски. Вот немецкие поясные бляхи – «С нами Бог!». А вот совсем неубоженная штукковина – пряжка «гитлерюгенда». Тесьма, солпак, какой бог сюда позвал?... Шумят на песчаных косогорах кроны сморгонских сосен. Заупокойно свистит ветер. Подслеповато и недобро пугаются абразурными замшеleys немецкие доты.

А перод глазами вновь и вновь поднимаю в гibelную атаку густые цепи Васильсурского пехотного... И в висках снова и снова отчаянно стучит: «Добегите, земляки, добегите!..» Откуда ты, память?..

* * *

Историю славянского братства можно писать бесконечно. У нас общие беды и радости, один глагол, одна земля, одна история, одна память.

Чего скрывать, есть сегодня желающие эту память убить, истолочь, распять пограничными столбами. На этнической войне убивают души, чтобы руки и сердца сами отнялись.

Но у нас слишком много общего, чтобы превратить нас в Иванов, не помнящих родства. Из Смоленских лесов катит свои воды на Могилевщину батюшка-Днепр, а над ним летит аист – бусел, осеняя и благословляя нашу землю крестом своих крыльев.

Нас не разять. Мы – русы.

Александр ЧУДАКОВ, наш спецкор

Брест – Минск – Сморгонь – Москва